

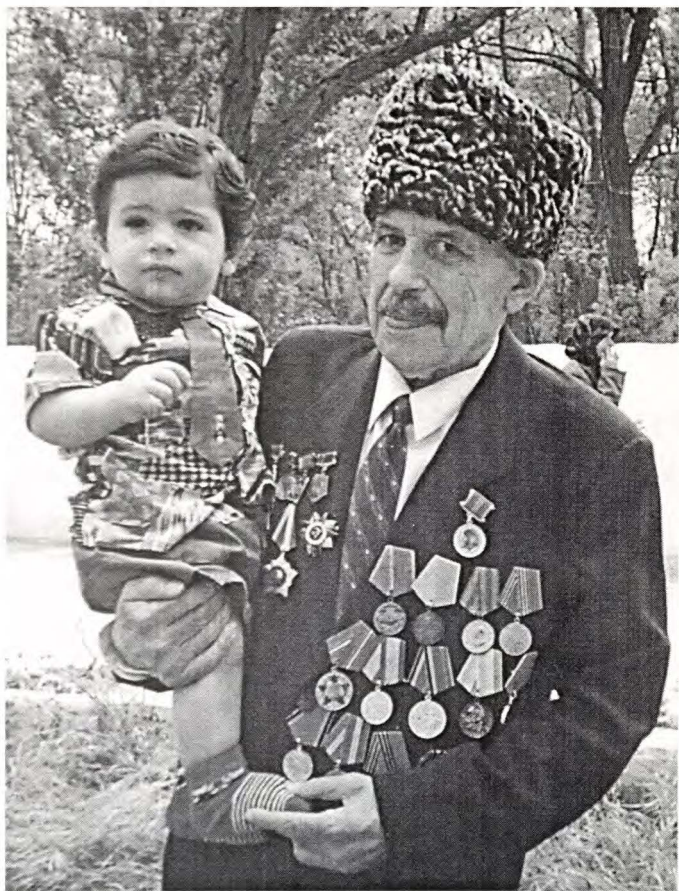
Хизгил Авшалумов

Очерк
истории
рода
Ханукаевых

*Хизгил Авшалумов
с внуком Хизгилом*

Хизгил Авшалумов

**О Ч Е Р К
И С Т О Р И И Р О Д А
Х А Н У К А Е В Ы Х**

*Махачкала 1999
Издательство «Юпитер»*

*Шомол Овиолдум Ханукаев,
купец II гильдии*

ОТ РЕДАКТОРА

Автор этого исторического очерка Хизгил Давидович Авшалумов — историк по образованию, писатель по профессии. Свою трудовую деятельность он начал в родном селении Ньюди Дербентского района будучи еще подростком, где работал рядовым колхозником.

В 1935 году его приглашают на работу в качестве штатного сотрудника республиканской газеты “Захметкеш” (“Труженик”), которая издавалась в Дербенте на татском языке. На ее страницах появляются первые его очерки, фельетоны и рассказы, вызвавшие большой интерес у читателей.

С мая 1938 года до 22 июня 1941 года Х.Д. Авшалумов — научный сотрудник Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. За время работы в Институте он подготовил и издал первый сборник татского фольклора (1940 г.). Значительная часть материалов к этому сборнику была собрана его другом и земляком, татским поэтом Манувахом Дадашевым, погибшем на войне. Издал русско-татскую терминологию, работал над русско-татским словарем, одновременно собирал материалы, связанные с историей, этнографией, обычаями и поверьями своего народа.

Х. Авшалумов — активный участник Отечественной войны. Был дважды ранен. После четырнадцатилетней службы в Советской Армии, возвращается на родину, работает корреспондентом республиканской газеты “Дагестанская правда”, а затем до ухода на пенсию — секретарем Союза писателей Дагестана. Он

— автор повестей “Возмездие”, “Фамильная арка” (трагедия одной красавицы), “Кушак бездетности”, сборника юмористических и сатирических новелл “Похождения хитроумного Шими Дербенди”, многих рассказов, нескольких пьес, поэмы о славной труженице, своей односельчанке и близкой родственнице, Герое Социалистического Труда, оба сына которой погибли в Отечественную войну, Гюлбоор Давыдовой.

Хизгил Давидович Авшалумов — народный писатель Дагестана, Заслуженный работник культуры РФ и РД, лауреат республиканской премии им. С. Стальского, имеет боевые и правительственные награды.

Данный очерк представляет для нас несомненный интерес не только тем, что в нем дается правдивая картина истории одного из самых известных в нашем народе тухумов (родов) Ханукаевых; история, отмеченная, как пишет автор, “драматизмом, трагедией и героизмом”, многими славными делами его представителей. Она вместе с тем отражает и историческую судьбу нашей малочисленной народности в рамках описываемых в очерке эпохи, времени. Наш читатель найдет в нем наряду с известными ему историческими событиями и немало других примечательных фактов, сведений, ранее неизвестных или малоизвестных.

В очерке дается характеристика деятельности и трех известных зятьев Ханукаевых, оставивших заметный след в истории и сознании своих земляков: Асафа Истома, председателя Национального комитета в годы гражданской войны, расстрелянного в 1920 г., Асаила Бинаева, первого редактора первой республиканской татской газеты, Ехила Мататова, одного из

видных дагестанских революционеров, бывшего прокурора, наркома юстиции Дагестана, секретаря президиума Верховного Совета ДАССР, который сделал очень много для утверждения статуса нашей народности как одного из коренных конституционных народов многонациональной республики, но чья жизнь трагически оборвалась в расцвете сил.

В этом же очерке читатель впервые узнает о настоячивых усилиях таких видных просвещенных представителей местного иудейского духовенства, покровительствуемых Ханукаевыми (раби Исхак (Ицхаки) и его знаменитый сын раби Яков (ЕгІэн-гил)) для очищения иудаизма в Дагестане от пережитков языческих праздников, верований и различных божеств, занимавших большое место в религии их соплеменников, противоречащие духу монотеистической религии иудаизма, против обычая кровной мести, двоеженства и многоженства.

Попутно автор затрагивает вопрос об одном из главных источников пропаганды антисемитизма — легенде об убийстве евреями христианского Бога Иисуса Христа, о их якобы поголовной вине за это убийство во все времена и всех поколений.

Основываясь на конкретных исторических фактах и на учении самой христианской религии, в частности на Евангелии, автор аргументировано и убедительно опровергает этот кровавый навет, как абсолютно абсурдный, но который, к сожалению, и в наше время используется устно и печатно некоторыми кругами из числа антисемитов, религиозных мракобесов, незаинтересованных в мире, согласии и друж-

бе между представителями различных народов и конфессий.

Данный исторический очерк является первой работой в этом жанре, относящейся к истории нашей народности, живущей в течении долгих веков среди свободолюбивых и трудолюбивых народов многонационального Дагестана.

Нисон Гилядов

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОДА ХАНУКАЕВЫХ

У каждого народа, большого или малого, были всегда известные, влиятельные и уважаемые фамилии, роды, тухумы. Без преувеличения можно сказать, что у татов-иудеев не только Дербента, но и Дагестана род (тухум) Ханукаевых был особенно известным и уважаемым. Интересно и то, что далекая история предков Ханукаевых несколько отличается от истории татского (горско-еврейского) населения Дагестана, Кавказа.

Согласно семейному преданию Ханукаевых их предки пришли в Дагестан вместе с хазарами с севера. Я об этом слышал не раз от представителей старшего поколения Ханукаевых. Поэтому, рассказывая об истории этого рода, нельзя игнорировать и этот примечательный факт, не высказать о нем своего суждения, предположения, разумеется, без фантазий и вымысла. Мы к этому вопросу вернемся позже. Но забегаю немного вперед, скажу со всей определенностью, что предки Ханукаевых сами не принадлежали к хазарам, хотя бы даже по своим расовым признакам. Единственное, что могло быть у них общего (наверное, так и было) это общность религии — иудаизм.

Как известно, с VII века нашей эры официальной (государственной) религией в хазарском царстве (каганате) был иудаизм. Хазарские цари-каганы будучи тюрками по происхождению, но иудеями по вере, носили библейские (еврейские) имена: Обадия (Авадие), Хизгияу, Манашир, Хану-

ко, Забулон (Зоволун), Нисим, Иосиф (Юсуф) и т.д. Хазары владычествовали в Дагестане почти триста лет. А сами хазарские племена, как и их цари, были тюрками. А что касается татов-иудеев, то их далекие предки согласно утверждению многих историков, были переселены на Кавказ, в частности в Дагестан, в IV-VI веках н.э. иранскими шахами из могущественной династии Сасанидов для охраны и защиты несокрушимых для своего времени величественных оборонительных сооружений на Дербентском проходе, лежащем между Джалганской горой и Хазарским (Каспийским) морем и подступов к ним. Этот проход имел очень важное военно-стратегическое и торговое значение.

Комплекс оборонительных сооружений вместе с цитаделью "Нарын-Кала" на горе должны были надежно защищать северные границы империи от вторжения воинственных кочевых племен на ее территорию.

Рассказывая об истории рода Ханукаевых я в той или иной мере не могу не коснуться и некоторых моментов, исторических событий, прямо или косвенно имеющих отношение к нему, его судьбе, отмеченной драматизмом, трагизмом и героизмом.

К сожалению, представители рода Ханукаевых, ни в одном из его поколений, не оставили никаких письменных или хотя бы достоверно устных преданий о том, в каком веке они пришли в Дагестан, где они обитали до появления в пределах хазарского каганата.

Единственный человек, который сейчас серьезно интересуется генеалогией своего, я бы ска-

зал, знаменитого рода, это один из его представителей Сави Ханукаев. Если мои записи помогут пролить свет на историю его рода, я буду весьма доволен.

Но сначала обратимся к более близкому периоду истории Ханукаевского тухума, начиная с XVIII-XIX веков.

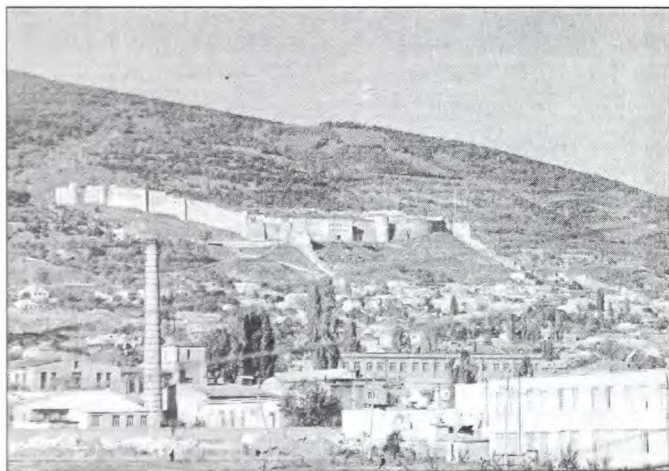
Достоверно известно, что предки Ханукаевых до переселения в Дербент жили в селении Аба-Сово, расположенном на склоне горы недалеко от ханской цитадели "Нарын-Кала". Оно находилось примерно в трех километрах юго-западнее Дербента, который из-за многочисленных памятников седой старины по праву называют "музеем под открытым небом".

Вид на место, где располагалось сел. Аба-Сово

Еще до войны, когда я работал научным сотрудником Дагестанского научно-исследова-

тельского института истории, языка и литературы, занимался собиранием и изучением фольклора своего народа, его языком, этнографией побывал на том месте, где некогда находилось Аба-Сово. Тогда уже от него ничего не осталось, даже руин. Селение, что называется, исчезло с лица земли, словно никогда и не существовало. Зная трагедию этого некогда цветущего селения, горестно было видеть все это. Лишь оставшиеся надгробные камни на давно заброшенном кладбище, поросшем диким кустарником, как немые свидетели напоминали о том, что некогда здесь в живописной горной долине стояло большое селение, где жили мои соплеменники со своими ежедневными житейскими заботами и хлопотами, радостями и горестями, обычаями и традициями.

Крепость Нарын-Кала — резиденция Дербентских ханов

Левее от Абасово (если встать спиной к городу) на небольшом расстоянии от него — находится селение Рукел, а правее — селение Джалган, давшее имя горе, на которой расположены недалеко друг от друга: цитадель “Нарын-Кала”, Джалган, Рукел и, немногим более 200 лет назад стояло селение Аба-Сово.

В Рукеле в то время жили таты-мусульмане и таты-иудеи, а в Джалгане и сейчас живут таты-мусульмане. В Рукеле в начале XIX века жил знаменитый раби Исроил, который согласно народной молве был ясновидцем, прорицателем, еще при жизни считавшийся святым. Он пользовался большим авторитетом не только у своих единоверцев, но и у мусульман.

В этой связи следует отметить, что не только жители этих трех соседних сел: Рукел, Аба-Сово и Джалган — говорили на татском языке. По другой стороне величественной ханской цитадели на склоне горы того же горного хребта недалеко друг от друга находится еще ряд селений: Камах, Зидьян, Хамайди, Митаги, Бильхади. Согласно свидетельству известного дагестанского ученого, историка XIX века автора книги “Асары Дагестан” Мирзы Гасана Эфенди Алкадари, жители этих селений тоже говорят на татском языке, то есть на одном из наречий иранского языка. Это наречие ближе к среднеперсидскому языку (пехлевийскому), нежели к современному персидскому языку, возникшему в VIII-IX вв. н.э., на котором написаны гениальные творения классиков ирано-таджикской поэзии Рудаки, Фирдоуси, Саади, Омара Хайяма и др.

В некоторых из этих селений, в таких, как Хамайди, Бильхади еще в середине прошлого столетия жили совместно таты-мусульмане и таты-иудеи. Так, известный выдумщик, я бы сказал патологический враль, которого я в шутку прозвал "татским бароном Мюнхгаузенем", Шелми Мемри был родом из селения Хамайди. Кстати, с его слов я еще в предвоенные годы записал несколько небылиц: "Как я на крылатом муравье летал к иранскому шаху", "Как я утонул в ванне и какие чудеса мне довелось увидеть будучи утопленником", "Как благодаря одной виноградной лозе, выращенной мною, наш колхоз стал миллионером".

В настоящее время только жители двух селений сохранили татский язык: Джалгана и Зидьяна. А жители остальных селений говорят на тюркском (азербайджанском) языке.

То обстоятельство, что на склоне горы, на которой стояла ханская цитадель, где жил сам хан, находились его гарем, стража, диван-хана (канцелярия), оружейные и пороховые склады и т.д. расположилась цепь из татских селений, тесно соседствующих друг с другом, невольно наводит на мысль: не является ли этот факт еще одним подтверждением того, что, как указывают многие историки, далекие предки татов-мусульман и татов-иудеев были переселены в Дагестан Сасанидскими царями Ирана для охраны грандиозных оборонительных сооружений на Дербентском проходе, подступов к ним, обеспечения их коммуникации?

Односельчане Ханукаевых занимались земледелием: выращивали хлеб, овощи, марену, разводили сады.

Следует отметить, что не только жители Аба-Сово, но и все таты-иудеи (горские евреи) до их переселения в города (примерно с конца XVIII и начала XIX веков) в течении долгих столетий жили в горных, предгорных аулах и плоскостных селениях, занимались главным образом земледелием, отчасти животноводством, вели такой же образ жизни, как и остальные горцы, восприняв основные признаки их материальной и духовной культуры, обычаи и традиции.

Многие из них в разное время, особенно в период завоевательных походов войск арабского халифата в Дагестане и отчасти во время вторжения на его территорию полчищ грозного Тамерлана, целыми аулами приняли ислам и смешались с мусульманским населением края. Еще лет 120-130 назад две трети татского населения Дагестана жили в 30 аулах и селениях: Жараге, Ханжалкале, Мамраче, Мугарти, Карчаге, Пенжидиги (Гьилхпенжи), Карабудахкенте, Дургели, Ньюди (Мюшгуър), Нуьгеди (Янгикент), Араге, Маджалисе, Аглаби, Хошмемзиле, Эрпели, Буйнаке, Тарки, Чиркее и других.

Наш земляк Илья Шербетович Анисимов (родом из дагестанского аула Тарки), первый наш ученый-этнограф, в своей книге "Кавказские евреи-горцы", изданной в Москве в 1888 г. пишет, что его соплеменники — "народ земледельческий" (стр. 21). Он подтверждает это не только в результате личных наблюдений во время своей научной экспедиции по Дагестану, Кавказу, совершенной им по поручению Императорского Московского Археологического общества летом 1886 г.,

но и на данных статистики, которые он приводит. О том же свидетельствует и ученый Вс. Миллер, ссылаясь на высказывание путешественника Витсена, который побывал в Дагестане в конце XVII века. “В одном княжестве Отсеме (т.е. во владениях Каракайтакских уцмиев, — приводит он слова путешественника, — их (горских евреев) насчитывается 15 тысяч... и занимаются земледелием”. (Вс. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СП 1892, с. II). И сам же он пишет, что горские евреи “преимущественно занимаются возделыванием виноградников, марены, хлебопашеством, табаководством, кожевным делом и мелочной торговлей” (там же, с. 1).

Обращает на себя внимание в этой связи статья ответственного работника аппарата Совмина СССР Д. Саввова, занимавшегося вопросами национальностей СССР, напечатанная в журнале “Просвещение национальностей” в 1931 г. под названием “Власть Советов и таты (горские евреи)”. Он пишет, что в начале XX века таты обрабатывали на Кавказе в общей сложности 18 тысяч десятин пахотной земли, в том числе в Дагестане — 10 тысяч (№ 6, с. 27).

В Дербенте, где после революции проживала основная часть татского населения Дагестана до сравнительно недавнего времени существовали три крупных высокорентабельных татских колхозов-миллионеров: “Путь коммунизма”, им. Ленина, им. Сталина. В 1948 г. семерым колхозникам за самоотверженный труд и получение рекордного урожая было присвоено почетное звание

*Героя Социалистического Труда, в том числе бывшей батрачке Гюльбоор Давыдовой, чье имя носит сейчас один из совхозов в Дербентском районе.**

Герои Социалистического Труда Гюльбоор Давыдова и Мардахай Исаев с автором. 1965 год

Как и все вышеназванные селения по обе стороны "Нарын-Калы", Аба-Сово находилось во владении дербентских ханов. Ханы Дербента — особенно Фет-Али-Хан и его сын Ших-Али-Хан — покровительствовали жителям Аба-Сово. Фет-Али-

** Герой юмористических и сатирических новелл — хитроумный Шими Дербенди не случайно изображается их автором одним из дербентских колхозников, тоже в прошлом молодой батрак, а в годы Советской власти — колхозник, земледелец, воплотивший в себе трудолюбие народа, его лукавый юмор, вековую мудрость и непримиримое отношение к различным общественным и человеческим порокам. Батраки и бедняки в прошлом составляли в Дербенте характерный социальный тип среди татов.*

Хан (1758-1789) документально закрепил право на вечное пользование землей за его жителями.

Близость к городу с прекрасно защищенной гаванью, являющемуся одним из центров оживленной межрегиональной, а в известной степени и международной торговли, во многом способствовали благополучию этого селения. Его жители, пользуясь тем, что город находится в часе ходьбы от селения, с большой выгодой для себя продавали на Дербентском базаре продукты своего хозяйства.

Как многие дербенцы, так и жители окрестных сел, выращивали и марену — единственное тогда красильное средство для ковров и различных шелковых и хлопчатобумажных тканей (дешевых химических красителей тогда еще не было). Марену охотно покупали купцы, приезжавшие на Дербентский рынок из Астрахани, Баку и других городов, а также те жители Дербента, которые занимались производством шелковых и хлопчатобумажных тканей, ковроткачеством, хозяева красильных мастерских. Надо сказать, что в Дербенте еще в конце XVIII века было 30 мелких шелкоткацких фабрик и более 100 хлопчатобумажных. В верхней части города, где находился большой шумный многолюдный базар, вблизи от него стояли шесть караван-сараяев для прибывших морем или по караванным дорогам купцов из разных стран. Здесь они не только выгодно продавали привезенные товары, но и заключали выгодные сделки с местными купцами, товаропроизводителями. Дербентский хан имел свой монетный двор.

Самым влиятельным и знаменитым родом в Аба-Сово считался род Ханукаевых. Как правило ковхо (староста) селения всегда избирался из представителей этого рода. И эта должность стала у них как бы наследственной. Дербентские ханы благоволит к Ханукаевым. Они доверяли им собирать дань деньгами и натурой со своих односельчан и доставлять на ханский двор. Авторитет старост из рода Ханукаевых был настолько высок среди жителей родного и соседних сел, что их нередко называли ханами Аба-Сово. Надо сказать, что тогда владельцев некоторых крупных селений тоже нередко называли ханами, хотя они таковыми не были, а были просто беками или беглер-бегами (главами местных беков в своем селении или еще нескольких селений).

Старосты Аба-Сово устанавливали и порядок очередности выполнения его жителями ханских повинностей (бигор): кому и когда из односельчан работать на ханских полях, заготавливать сено для коней, домашнего скота, дрова на зиму и т.д. Такой порядок существовал и для жителей остальных селений.

Но в конце восемнадцатого века это мирное, процветающее селение постигла большая трагедия. Оно было до основания разрушено и разграблено. Часть его жителей была убита, другая уведена в плен, а оставшиеся в живых, в том числе уцелевшие представители рода Ханукаевых, поселились в Дербенте.

О времени разгрома этого селения, о том, кто конкретно был его организатором, виновником, что послужило причиной этой жестокой рас-

правы над его жителями в литературе существует разноречивое мнение. Так, например, Илья Шербетович Анисимов в упомянутой нами выше книге (с. 25) пишет: "Оно (Аба-Сово) было разрушено в 1800 году (5557 от сотворения мира) кумыкским Шамхалом Сурхаль-ханом". И что его жители поселились в Дербенте, купив каждый себе землю под сады и дома.

И. Анисимов не пишет ни о числе жертв этого нападения, ни о том, в какой день и месяц оно происходило.

А вот что пишет автор книги "История города Дербента" (1906, с. 308) Е.И. Козубский: "В 1796 году или в 1800 году Сурхайхан Казикумухский в ночь пасхи напал на деревню (Аба-Сово), убил 157 душ: многих взял в плен, остаток поселился в Дербенте".

Известный израильский ученый Ицхак Давид, автор "Истории кавказских евреев" (Тель-Авив, б/г. с., 161) приводит выдержку из неопубликованного очерка раби Якова (ЕгІэнгиле) Ицхаки (1846-1917), бывшего главой иудейской духовной общины Дербента и Дагестана, в котором он описывает историю своих единоплеменников на Кавказе. Согласно его версии "селение Аба-Сово было разрушено в 1796 году полчищами Сулхов-хана Кюринского в ночь иудейского праздника пасхи". И что после недолгой, но упорной борьбы и сопротивления бандитам, последним удалось победить их. 157 жителей Аба-Сово было убито, многих взяли в плен, а остаток поселился в Дербенте по приказанию Ших-Али-Хана.

Подтверждая факт нападения и разрушения Аба-Сово вооруженными бандитскими силами, все эти три источника однако по разному называют время и имя хана, напавшего на селение. Один из них говорит, что это был кумыкский шамхал Сурхаль-хан, другой — Казикумухский хан Сурхай-хан, а третий — Кюринский хан Сулхов-хан. Я не раз задавал себе вопрос: какой из этих трех источников является все же более достоверным?

Ведь нападение любого из вышеупомянутых ханов на владение Дербентского хана на деле означало бы объявление ему войны?

Так ли это было на самом деле? И чем оно было вызвано?

Есть еще одна версия трагедии, постигшей жителей Аба-Сово. О ней рассказал мне известный татский писатель Михаил Дадашев. Он связывает ее с именем царского генерала графа Валериана Зубова (родного брата последнего фаворита русской императрицы Екатерины II Платона Зубова) во время его похода на Кавказ во главе экспедиционной армии с целью захвата и присоединения Дербента к России. Из прочитанных писателем воспоминаний некоторых современников В. Зубова, близко знавших его, он пришел к заключению, что это злодейское нападение, совершенное одним из владетельных феодалов Южного Дагестана, было спровоцировано генералом В. Зубовым только потому, что жители его были иудеи. У графа Валериана Зубова, оказывается, была, мягко выражаясь, личная обида, зло на одного польского еврея. Это зло, не-

ненависть к нему, которые таил в душе, он перенес на всех иудеев.

В 1794 году в Польше, разделенной тогда между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией, разразилось мощное вооруженное восстание под предводительством польского национального героя Тадеуша Костюшко за объединение разрозненных польских земель, восстановление независимости Польши. Генерал В. Зубов был одним из непосредственных участников подавления этого восстания. В рядах повстанческой армии были и польские евреи. Надо сказать, что основная масса европейских евреев жила тогда на территории Польши.

Во время одного из сражений, снаряд выпущенный из пушки евреем-повстанцем убил находившегося около него полковника царской армии, а самому генералу оторвало ногу. Он остался жив и продолжал служить в армии, но без одной ноги.* Этот царский сановник, который видимо, и раньше не питал симпатии к иудеям, когда узнал, что виновником того, что он стал калекой является еврей, то возненавидел всех евреев. Эту ненависть он принес с собой и в Дагестан, на Кавказ.

Поскольку разрушение Аба-Сово и трагедия его жителей, прежде всего связаны с именем этого сатрапа и военначальника, я хочу коротко указать время его пребывания в Дагестане во главе армии, состоящей из 30-ти тысяч человек при

* По распоряжению царицы Екатерины II для генерала, графа В. Зубова был изготовлен золотой протез, за что его на Кавказе прозвали "Гызыл аяг" ("Золотая нога").

21 орудии. Это необходимо, чтобы точно установить год и месяц разрушения Аба-Сово и переселения Ханукаевых вместе с оставшимися в живых односельчанами в Дербент и ту сложную драматическую обстановку, создавшуюся тогда в Дагестане и вокруг Дербента.

Как повествуют авторы "Истории Дагестана" (М., 1968, т. II, с. 9-11) в начале 90-х годов восемнадцатого столетия пришедший к власти в Иране один из самых свирепых деспотов Ага-Мухамед-Хан Каджар потребовал от владельцев Закавказья и Дагестана подчиниться его власти. После взятия им Тбилиси, который он подверг жестокому разорению и ограблению, иранский властелин решил подчинить себе и народы Дагестана. Но его владельцы единодушно отклонили притязания Ага-Мухамед-Хана и решили оказать ему сопротивление, если он вторгнется на дагестанскую землю. Они обратились за помощью к императрице Екатерине II. А дербентский хан — Ших-Али-Хан не только не присоединился к коалиции дагестанских владельцев, но стал открыто поддерживать проиранскую ориентации, выражать свою враждебность к России. Этим он восстановил против себя не только русское правительство, но и владельцев Дагестана.

В сложившейся ситуации, русское командование снарядило военную экспедицию во главе с В. Зубовым. Ему дали в подчинение еще и два батальона генерал-майора Савельева, которые находились на Кавказе. В распоряжение В. Зубова был отдан также русский флот в Каспийском море. Генерал В. Зубов прибыл сначала в Кизляр, в

апреле 1796 года, а в первых числах мая уже стоял под стенами Дербента. К его отряду присоединили свои войска шамхал Тарковский Магомед-хан, Кайтагский уцмий Рустам-хан и Табасаранский кадий Рустам-кадий.

Ших-Али-Хан после короткого сопротивления был вынужден сдать город русскому командующему, да и сами его жители требовали этого.

Русские войска заняли Дербент 10 мая 1796 года. Ших-Али-Хан был взят в плен. Но ему удалось бежать.

Хорошо понимая огромное стратегическое значение Дербента с его мощными оборонительными крепостными сооружениями на юге своей обширной империи, Екатерина II с большой радостью восприняла весть о взятии этого древнего города. По высочайшему указу по всей стране, в частности, в столице, это важное событие было ознаменовано праздничным колокольным звоном всех церквей и пушечными салютами. Самого командующего экспедиционной армией генерала В. Зубова хвалили как настоящего солдата и опытного военначальника.

Но вскоре радость императрицы сменилась горьким разочарованием и большим потрясением.

В один из холодных снежных ноябрьских дней того же 1796 года Екатерина II, несмотря на свой шестидесятисемилетний возраст, все еще сохранившая отменное природное здоровье, неутомимую работоспособность и жажду к плотским наслаждениям (последний ее фаворит —

наглый, хитрый и алчный молодой Платон Зубов — годился ей во внуки) неожиданно почувствовала себя дурно и потеряла сознание.

Автор исторического романа “При малом дворе” (двор великого князя и престолонаследника Павла Петровича в Гатчине) Т. Мундт отмечает, что больная царица, окруженная придворными вельможами и врачами, вдруг очнулась и даже встала с кровати. В это время кто-то неосторожно передал ей депешу из действующей армии на Кавказе, в которой говорилось, что “персы жестоко отомстили за взятие Дербента” и что “отборный кавалерийский корпус горцев заманил Зубова в западню” и разгромил его армию. В. Зубова тут же стали ругать и всячески поносить, называя его “бездарным идиотом, которому нет дела до русской чести и крови”. “По прочтении этой депеши, — пишет далее автор, — ее величество схватилась за голову и рухнула на пол”. Через четверть часа ее не стало (Т. Мундт. При малом дворе. В кн.: Интимная жизнь монархов. — Казань, 1993, с. 361-362).

Воцарившийся на престоле ее сын Павел I велел вывести оставшиеся войска из Дербента и Баку. Ших-Али-Хан вновь вступил в свои права владельца Дербента.

В то время, когда генерал В. Зубов стоял у ворот Дербента, он узнал что, чуть ли не под боком ханской резиденции находится селение, где живут иудеи и спровоцировал варварское нападение на Аба-Сово. Оно было совершено действительно в 1796 году, а не в 1800 году, и

не в пасхальную ночь, а днем в мае. Правда и то, что жители Аба-Сово не сразу сдались на милость победителю. Они с оружием в руках мужественно отстаивали свою жизнь, жизнь своих детей и жен, но были побеждены. Это во многом соответствует тому, что рассказывал мне еще до войны один из представителей рода Ханукаевых Гаврил Ханукаев, которого в народе называли — Гъуччи Гаврил (Храбрец Гаврил). По его рассказу, который он слышал не то от своего отца Шомоила, не то от своего деда Овшолума, на Аба-Сово напали среди бела дня. Жители Аба-Сово во главе с его прапрадедом — старостой оказывали бандитам вооруженное сопротивление, но силы были неравны и защитники Аба-Сово потерпели поражение.

Произошла эта кровавая расправа над мирным селением как раз два года спустя после того, как его сиятельство граф Валериан Зубов потерял свою драгоценную ногу при подавлении польского восстания.

Вполне возможно, что В. Зубов был зол на Ших-Али-Хана еще потому, что хан не только занял враждебную позицию по отношению к России. Упорно поговаривали, что родная мать Ших-Али-Хана, женщина необыкновенной красоты, бывшая служанка его отца, была горской еврейкой из города Кубы (версия такая действительно существует). Поэтому, мол, он, как и его покойный отец Фет-Али-Хан, который одновременно был и кубинским ханом, покровительствовал жителям Аба-Сово.

Как могло случиться, что хан сделал своим наследником сына, прижитого им от простой служанки? Объяснение этому вопросу мы находим в книге А. Шортанова "Горцы" (М.1978). Он пишет, что у отца Ших-Али-Хана было пятеро дочерей и один сын. Но он был от служанки. Боясь, что после его смерти ханом станет не его отпрыск, а другой, Фет-Али-Хан объявил своего сына наследником, прибавив к его имени Ших-Али слово "хан". Но о том, что его мать была иудейкой, автор ничего не говорит.

По свидетельству русских офицеров, приравненных к пленному Ших-Али-Хану, это был красивый подвижный юноша, виртуозный наездник, благодаря чему ему удалось вырваться из-под их "опеки" и бежать в Кубу, а потом в Иран. Действительно при нем жители разрушенного селения Аба-Сово были переселены в Дербент. Им были выделены земли под сады и дома, конечно, за уплату.

Один из старейших представителей тухума Ханукаевых, с которым я имел беседу осенью 1938 года, был Рахмил Гюришум. Ему в ту пору было 112 лет (умер в возрасте 115 лет). Несмотря на свой древний возраст этот сухощавый старик с вялой белоснежной бородой обладал на удивление хорошим слухом, сохранил зрение, мог читать, писать.

Рахмил родился в Дербенте спустя 30 лет после разрушения родного селения Ханукаевых — Аба-Сово.

Будучи уже взрослым мужчиной он не раз

встречался со стариками, молодость которых прошла в родном селении и которые рассказывали ему о жизни своих односельчан при правлении Фет-Али-Хана и его сына Ших-Али-Хана и даже помнили их в лицо.

Со слов тех же стариков Рахмил рассказывал, что когда Ших-Али-Хан был еще наследником ханского престола, Фет-Али-Хан отдал ему в личное владение селение Аба-Сово.

Косвенное подтверждение этому мы находим в той же вышеупомянутой книге "Горцы", где ее автор говорит, что, когда Ших-Али-Хан стал взрослым, отец отдал ему одно из селений. Возможно, это и было Аба-Сово, которое находилось неподалеку, рядом с "Нарын-Калой".

Старики еще рассказывали, что юный Ших-Али-Хан бывал частым гостем в их селении, принимал участие на свадебных торжествах, подчеркивал свое дружеское расположение к его жителям.

Разрушение родного селения Ханукаевых и убийство многих его мирных жителей у иного несведущего человека может вызвать превратное мнение об отношении горских народов к татарам-иудеям (горским евреям). Целый ряд ученых, путешественников, такие как И. Черный, И. Анисимов, Н. Данченко и другие отмечали добрососедские и во многих случаях дружеские отношения между мусульманами-горцами и иудеями-горцами.

Я лично могу объяснить это тем, что в Дагестане испокон веков существовала большая веротерпимость, а так же и тем, что татары-иудеи

жили с горцами в течение долгих столетий в одних и тех же социально-исторических условиях, вели одинаковый с ними образ жизни. У них сложились одинаковые общегорские традиции, быт и уклад жизни.

Наших отцов и дедов отличали постоянство, верность в дружбе по отношению к горским народам, среди которых они жили в одних и тех же аулах или в тесном соседстве с ними. Они, как писал о наших соплеменниках патриарх дагестанской историографии академик Р.М. Магомедов, живя веками на территории Дагестана, разделяли исторические судьбы его народов.

Таты-иудеи вместе с другими народами края защищали его от нашествия иноземных завоевателей как свою Родину. Как свидетельствует зять имама Шамиля Абдурахман, наша соплеменница из аварского аула Чиркей, жена близкого друга и наиба Шамиля — Юнуса, красавица Зайнаб с оружием в руках отважно сражалась в рядах мюридов при защите крепости Ахульго в 1839 г. и при обороне Гуниба в 1859 г.

В годы гражданской войны многие таты участвовали в партизанских отрядах по изгнанию бичераховцев, деникинцев и других оккупантов из дагестанской земли. А в лихую годину Великой Отечественной войны плечом к плечу с представителями других народов стойко защищали страну от угрозы фашистского порабощения. Наш маленький народ дал двух Героев Советского Союза — Шатиеля Абрамова и Исаю Илазарова. Сам Ш. Абрамов был семь раз ранен в боях. Бата-

льон, которым он командовал первым штурмовал логово Гитлера — Рейхсканцелярию. В боях при защите Москвы двадцатидвухлетний командир танка Алексей Мардахаев повторил подвиг летчика Гастелло — направил свой горящий танк на позиции фашистов, уничтожая их огнем и гусеницами своей грозной машины, пока сам не погиб, охваченный пламенем.

Отдельные враждебные вылазки, акты по отношению к татам-иудеям, совершаемые главным образом феодалными элементами и их пособниками, нельзя истолковывать как типичные и характерные для дагестанской среды. В качестве примера приведу один достоверный факт.

В селении Хамайди в течение столетий мирно и дружно жили мусульмане и иудеи. Но 1857 году, как пишет на основании документальных данных в своей книге «История города Дербента» Е. Козубский, из-за придирок и притеснения владельца этого селения, местного феодала, двое его жителей Мататия Ананья оглы и Иманил Галил оглы были вынуждены покинуть родное селение и поселиться в Дербенте.

В годы гражданской войны в обстановке анархии, хаоса, безвластия и беззакония были нападения вооруженных бандитских отрядов на некоторые селения, где проживали наши единоплеменники. Но эти бандитские акты не имели ничего общего с подлинными настроениями, добрососедскими отношениями горских народов к ним.

В Дагестане в течение многих столетий рядом мирно сосуществовали мусульманская ме-

четь, иудейский нумаз (молитвенный дом) и христианский храм (килисе). Еще задолго до буржуазных революций на Западе, создания демократических институтов, признания прав каждой религии на существование, в Дагестане, несмотря на доминирующую роль ислама, существовала религиозная терпимость, уважительное отношение к иудаизму и христианству, как монотеистическим религиям. В X веке, когда на средневековом Западе жестоко преследовали иудейскую религию и его носителей, в Дагестане, в одном из его ханств, в Кайтагском уцмийстве, его правитель в пятницу молился вместе с мусульманами в мечети, в субботу — в нумазе с иудеями, а в воскресенье в церкви — с христианами. (См.: История Дагестана. Т. 1. — М., 1967, с. 165). Такого феномена не знает мировая история.

* * *

Ханукаевы, поселившись в Дербенте, занимались в основном мареноводством и частично виноградарством. Из всех тогдашних культур, особенно в условиях дербентской местности, марена была самой выгодной и высокодоходной. При этом для ее выращивания не требовалось особых условий и затрат. Дербентцы говорили: "Кто сеет марену, тот сеет золото".

После окончательного завоевания Россией Дагестана, для местных купцов открылись дороги на российские рынки. Дербентские купцы, в том числе Ханукаевы, сами или через посредников вывозили марену в Астрахань, Нижний Новгород (Макарьев), продавали ее с большой выгодой для се-

бя. За каждый пуд марены платили от 11 до 15 рублей золотом.

Наиболее состоятельные семьи в Дербенте, такие как Ханукаевы, Дадашевы, Ахундовы с каждым годом увеличивали посевы под марену вместе с этим и доходы от ее реализации. В Дербенте выращиванием марены занимались азербайджанцы, таты и армяне. Значительная сумма от ее продажи поступала в городскую казну, на благоустройство города. Город в те годы действительно выглядел ухоженным, благоустроенным. Улицы были вымощены, тротуары асфальтированы. Городское управление строго следило за чистотой и порядком. Выращиванием марены занимались также в некоторых районах Южного Дагестана и Табасарана, жители многих кумыкских селений. Производство марены доставляло достаток каждой семье, которая занималась ее выращиванием, а некоторые из них благодаря этому сильно разбогатели. Поэтому легко можно представить потрясение этих людей, когда вдруг резко упала цена на марену в связи с появлением дешевых химических ализариновых красителей, поступавших с Запада. Если в 1872 году на рынке за пуд марены давали до 15 рублей, то в 1873 году — лишь около 5 рублей. А через некоторое время фабриканты вообще перестали покупать марену, применяя в производстве дешевые и удобные химические красители. Это был крах мареноводства. Многие из тех, кто раньше занимался выращиванием марены вконец разорились, обнищали. Но Ханукаевы, Дадашевы, Ахундовы в этой ситуации быстро переориентировались.

Они стали расширять виноградные плантации, заниматься виноделием, строить рыбные промыслы на берегу Каспийского моря до самой реки Рубас и бондарные заводы при них.

Во второй половине прошлого столетия из большого рода Ханукаевых особенно выделяются сыновья Овшолума Ханукаева- пять братьев: Шомоил, Юсуф, Ифраим, Хануко, Манашир. Их отец Овшолум, отличался волевым характером, предприимчивостью и большим практическим умом. Он, видно, передал своим сыновьям не только оставленное им большое состояние, но и свои природные качества.

Одним из вышеупомянутых братьев Ханукаевых Юсуфом Овшолумом владельцем виноградной плантации, впервые в Дербенте был построен небольшой винный завод. Им же тогда был завезен в Дербент ряд европейских, азиатских и восточных сортов винограда, до этих пор неизвестных в этой местности: "Рушбобо", "Гюляби", "Рислинг". Из винных подвалов Ханукаевых вино отправлялось в Россию. Там же был организован его розлив. На бутылочных этикетках указывалось, что это вино фирмы Ханукаевых.

В виду сложных отношений России с султанской Турцией и шахским Ираном царское правительство держало в Дербенте большой военный гарнизон. Манашир Ханукаев одновременно снабжал его продовольствием за что был удостоен царем Николаем II медали.

Самый красивый дом тогдашнего Дербента принадлежал Шомоилу Овшолуму Ханукаеву, отцу десятирех сыновей и двух дочерей. Сыновья

Дом Шомоила Овшолума Ханукаева

Овшолума Ханукаева пользовались большим влиянием и авторитетом в городе. О большой популярности, высоком авторитете Шомоила Ханукаева среди земляков свидетельствует и такой факт. Когда в Дербенте было создано городское управление было решено избрать 15 уполномоченных городского общественного управления от зажиточных слоев населения Дербента и окрестных сел. Выборы состоялись 20 декабря 1895 года. Как отмечает автор книги "История города Дербента" Е.И. Козубский (с. 316): от горских евреев выдвинули свои кандидатуры 32 человека, но прошла кандидатура Шомоила Овшолума Ханукаева, набравшего наибольшее число избирательных шаров. И с тех пор кто-нибудь из этих братьев обязательно избирался в состав уполномоченных городского самоуправления, а в последствии в Городскую думу. С ними могли соперничать члены другой известной в

Дербенте фамилии братья Дадашевы: Оврогьом, Пинхас, Шелми. В отличие от Ханукаевых братья Дадашевы были родом из селения Ньюди (Мюшгуьр). Нередко Оврогьома Дадашева называли “Оврогьом Нетен Мюшгуьри”.

Сохранилась фотография Шомоила Овшолума Ханукаева. С нее смотрит на нас пожилой, но стройный крепкий мужчина в горской папахе, в традиционном азиатском бешимете, седой бородой, красивым лицом, со спокойным задумчивым взглядом выразительных глаз и царскими медалями на груди.

Обычно члены рода Ханукаевых сочетались браками между близкими родственниками — между двоюродными братьями и сестрами. Но из других родов они больше всего роднились с известным родом Дадашевых. Случалось, что они выдавали своих дочерей и за “простых”, но достойных парней.

Одной из характерных черт братьев Ханукаевых было то, что они являлись большими благотворителями и патриотами своего города, давали значительные, а нередко и крупные суммы на его благоустройство, помогали вдовам, сиротам, не обижали своих батраков, рабочих, — работающих на их виноградниках, рыбных промыслах. Братья пользовались уважением не только городских властей, но и генерал-губернатора Дагестанской области, а через него — и самого царя.

В том же вышеупомянутом труде Ицхака Давида со ссылкой на книгу Моноаха приводится такой примечательный факт, связанный с общественным положением братьев Ханукаевых, бла-

госклонным отношением к ним царя Николая II. Приведу следующий сокращенный текст из этой книги:

“В памяти современников сохранился рассказ о дружбе царя Николая Второго с братьями Ханукаевыми. Когда царь в 1913 году совершал поездку по Кавказу, он остановился в городе Темир-Хан-Шуре — центре Дагестана того времени. Николай пригласил в Темир-Хан-Шуру Йесефа Ханукаева (одного из братьев Ханукаевых Юсуфа Овшолума — Х.А.) вместе с другими богачами и представителями власти. Йесеф (Юсуф) до того спешил, что приехав по царскому зову, загнал на смерть жеребца...

Йесеф (Юсуф) Ханукаев вложил немало средств в благоустройство Дербента, на свои деньги разровнял курган в верхней части города (место нынешнего колхозного рынка). Очевидно, это тоже послужило причиной милости царя.

Побывал царь со своей свитой и в Дербенте, где ему были преподнесены в дар здание реального

Здание реального училища (ныне завод “Электросигнал”)

училища и здание больницы, построенные в честь трехсотлетия дома Романовых акционерным обществом “Дадашев-Ахундов”.

В честь царя был дан великолепный банкет в доме азербайджанского миллионера Ахундова. Но после банкета царь объявил, что поедет отдыхать только к Хануко Авишолуму (брату Юсуфа), назвав его своим приятелем...” (II т, с. 466).

Похожее на это я слышал в 1938 году от племянника Хануко и Юсуфа -старика Гаврила Ханукаева, который доводился братом моей тещи — Еудит. Она была одиннадцатым ребенком у своего отца Шомоила Ханукаева. Когда я женился на ее дочери, Еудит была матерью пятерых детей. Несмотря на то, что муж ее, Асаил Бинаев, старый коммунист, участник гражданской войны, занимал в городе ответственные посты, она жила в бедности, но очень гордилась своей фамилией. Теща рассказывала, что на следующий же день, после того, как царь побывал в гостях у ее дяди Хануко, она захватив своего трехлетнего сына-первенца побежала к ним домой. Ей показали, где отдыхал царь. Она еще рассказывала, как царь зайдя в дом ее дяди, увидев маленького ребенка приласкал его, взял на руки, играл с ним. Честно говоря, я тогда не верил всему этому, считал выдумкой, сказкой, такой же небылицей, как и рассказы известного враня Шелми Мемри.

А что касается строительства огромного комплекса реального училища в Дербенте, то в его строительстве наряду с Ахундовым и Дадашевым принимали участие и братья Ханукаевы.

На средства братьев Ханукаевых был построен также и “Келе нумаз” (“Большой молитвенный дом”), который функционирует и поныне.

* * *

У нас обычно хлеб выпекали в тону (земляной печи) каждый в своем дворе, по пятницам. Теща рассказывала, что по заведенному у Ханукаевых обычаю, первые три партии выпеченных чуреков они раздавали вдовам и нищим, жившим в их квартале. Батракам, рабочим во время платили за их труд, помогали крайне нуждающимся справлять свадьбу для сына или дочери, купить к пасхе нужные продукты. Так же поступал и Ов-рогьом Дадашев.

Но вместе с тем следует сказать, что большая часть дербентских богачей относилась к своим батракам-соплеменникам немилосердно, без всякого сочувствия к их нуждам и бедам. Некоторые из них по десятку раз заставляли батраков ходить к ним на поклон чтобы вымолить заработанные ими гроши. Бывали случаи, когда хозяин отказывался платить батраку деньги за его труд только потому, что он позволил себе вынести из его сада вязанку никому ненужного хвороста или сухой лозы.

На фоне процветания нескольких десятков семей, абсолютное большинство наших земляков в Дербенте прозябали в крайней бедности, жили в нищете. Многие из них ютились в так называемом “Глиняном квартале” (или как называли его в народе “Тенге мэхэлегьо” (“Тесные кварталы”) в сырых глинобитных лачугах с земляным полом,

голыми слепыми стенами, с единственным "окошком" на потолке, чем-то напоминавшие примитивные жилища первобытных людей — я видел их, — без канализации и водопровода. Этот квартал стоял на отшибе. На его узких кривых немощенных улочках, по обе стороны которых, тесно прижавшись друг к другу, тянулись прижатые к земле лачуги, осенью и зимой стояли непролазная грязь, зловонные лужи. Нищета, недоедание, отсутствие элементарной медицинской помощи порождали заразные болезни, в том числе такие опасные, как тиф, туберкулез, холера, дизентерия. Смерть безжалостно косила людей, особенно детей. Больных "лечили" знахари: кровопусканием, заговором, хайкелами (талисманами). Население было почти поголовно неграмотно.

И все же благотворительность Ханукаевых, Дадашевых была в известной степени подмогой хотя бы для некоторой части наших обездоленных земляков в самые трудные моменты их жизни.

Представители старшего поколения Ханукаевых были не только щедрыми благотворителями, патриотами родного города, уважаемыми его гражданами. Они принимали активное участие и в делах религиозной общины. Мы уже говорили о том, что на средства братьев Ханукаевых был построен "Келе нумаз" — самый большой и красивый в городе.

Они оказывали свое покровительство наиболее выдающимся религиозным деятелям, поддерживали с ними тесную дружбу; в частности с раби Исхаком бен Яковым (Ицхаки. 1795-1887) и

*Торжественное открытие Келе нумаза (Большого
братьями Ханукаевыми.*

*молитвенного дома — синагоги), построенного
Вид с улицы. Около 1909 года*

его сыном, знаменитым раби Яковом (ЕгІэнгилом. 1846-1917).

Ицхак бен Яков после окончания религиозной школы у себя на родине, еще 13 лет учился у европейских евреев в Белой Церкви, тогдашнем центре иудаизма в России.

Говорят, что он был первый человек из наших соплеменников на Кавказе, который получил полное религиозное образование, изучил не только Библию, но и Талмуд, все законы и обряды иудейской религии.

Раби Ицхак бен Яков был широко эрудированным человеком. Был знаком с русской и современной ему еврейской литературой, кроме родного татского языка, в совершенстве владел ивритом, русским, хорошо — тюркским (азербайджанским), слабо — лезгинским языками.* По завершении образования в России, он приехал на постоянное жительство в Дербент.

Мне рассказывали, что раби Ицхак не имел своих корней в Дербенте, что он был родом из Кубы. Но отец вышеупомянутых пяти братьев Ханукаевых — Овшолум оказал молодому раби свое покровительство, моральную и материальную поддержку. Пользуясь большим авторитетом среди своих земляков, он вскоре помог ему стать доеном — главой иудейской духовной общины в Дербенте.

Раби Ицхак сам обучал своего сына, Якова который оказался очень одаренным от природы че-

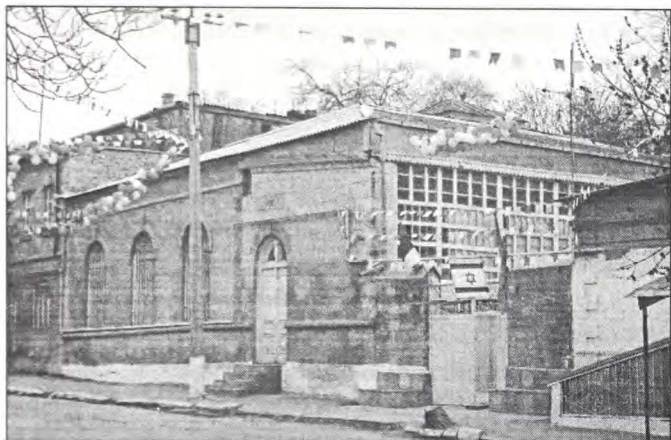
* Ицхак Давид в выше упомянутом своем труде указывает, что раби Ицхак бен Яков в объяснительной записке начальнику дербентской полиции от 12 Кислева 5625 г. (1865 г.) "называет разговорный язык горских евреев татским" (Там же, с. 101).

ловеком, законам иудейской религии и сам же посвятил его в священники. Еще при жизни отца, раби Яков стал главой иудейской духовной общины не только Дербента, но и Дагестана.

Как просвещенные религиозные деятели покровительствуемые тухумом Ханукаевых, с которыми они поддерживали тесную дружбу, раби Ицхак и раби Яков сделали немало для того, чтобы очистить иудаизм в Дагестане (который в отличие от традиционного иудаизма, имел свои особенности), от многочисленных языческих верований, обрядов, праздников, добрых и злых божеств. Они — эти верования и обряды — согласно утверждению И. Анисимова, занимали большое место в религии его соплеменников и противоречили духу иудейской монотеистической религии.

Надо сказать, что их деятельность в этом направлении имела определенный успех главным образом среди татов-иудеев, живших в городах. “Но жители аулов, — писал И. Анисимов, — которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь справляют в известные дни и времена года различные церемонии” (И. Ш. Анисимов. Там же, с. 40). И. Анисимов далее отмечает, что он сам будучи подростком принимал участие в родном ауле Тарки в народных праздниках в честь “этих божеств”.

Как раби Ицхак, так и его сын раби Яков старались запретить двоеженство и многоженство среди своих соплеменников, искоренить обычай кровной мести, который, как у других горских народов, существовал и у нас. К сожалению, их попытки в этом направлении не дали ощутимых

Келе нумаз. Общий вид

результатов. По сведениям, приведенным И. Анисимовым в своей книге, около десяти процентов взрослых мужчин среди его соплеменников имели по две или три жены. А обычай кровной мести особенно был развит среди кайтагских татов-иудеев, в частности, у нюгединцев (янгикентцев) и жителей селения Маджалиса.

В этой связи следует сказать, что нюгединцы вообще отличались воинственностью, крайней вспыльчивостью и большой привязанностью к оружию. Они никогда не расставались с оружием и дорожили им больше собственной головы. И эта привязанность была настолько сильна, что вопреки существующему запрету они и в нумаз ходили подпоясанными кинжалами и подвешенные тапанжами — самодельными пистолетами. Говорили, что нюгединцы прежде чем коснуться губами священных свитков, вынимали наполовину из ножен свои кинжалы, целовали их

холодную сталь. Случалось, что в самом дворе нумаза или в его помещении кровники с обнаженными кинжалами кидались друг на друга, совершая акт кровной мести.

Раби Яков, зная об этом, как глава духовной общины Дагестана, потребовал от раби нюгединского нумаза запретить своим односельчанам появляться в молитвенном доме с оружием и осудить обычай кровной мести.

В один из праздничных дней, когда в помещении нумаза было полно народу, раби выполняя волю доена потребовал от нюгединцев, чтобы они перестали ходить в нумаз с оружием. Он пригрозил им тем, что Бог, разгневавшись на них за такое святотатство — появление в божьем храме с оружием, совершение кровной мести, — накажет их суровыми карами. И когда раби в числе других кар: землетрясения, чумы, лихорадки, засухи, падежа скота, — которые Господь обрушит на головы ослушников, сгоряча назвал и такую, как “закрытие всех естественных отверстий у мужчин”, многие из присутствующих нюгединцев разом вскочили со своих мест и стали стрелять вверх из своих самодельных пистолетов. Не на шутку перепуганный такой реакцией своих вспыльчивых односельчан, раби, поняв, что хватил через край, стремглав выбежал из нумаза, как (не будь рядом упомянуто) из горящего сарая. Об этом случае еще до войны рассказывали автору данного очерка двое пожилых нюгединцев, которые будучи еще подростками были свидетелями этой трагикомической сцены.

* * *

Революцию в России, победу Советской власти тогдашнее поколение Ханукаевых восприняло в целом отрицательно, но непосредственного участия ни на стороне большевиков, ни против их врагов — белогвардейцев не принимали, кроме двух представителей этого рода.

Одним из тех, кто впервые создал в Дербенте социал-демократическую группу большевиков был студент Ханукаев. Среди нашего населения в Дербенте он был известен по прозвищу “Билолу”. Он не выговаривал букву “р”, поэтому вместо слова “бирору” (“братья”) произносил “билолу”. Ханукаев оказался неутомимым агитатором. Он выступал с разъяснением идей своей партии где это только возможно: на городской площади, на “Фэхле базари” (“Рабочем рынке”), куда собирались батраки и бедняки, чтобы наняться на работу на виноградные плантации, рыбные промыслы, строительные работы. Нередко выступал прямо на улице. Свою речь, обращенную к собравшейся толпе, он обычно начинал со слова “Билолу!..” Студент “Билолу”, будучи сам сыном богатых родителей, выступал в защиту бедных и обездоленных, призывал своих слушателей бороться против царского самодержавия, за установление в стране справедливого общества, где по его мнению, не должно быть ни богатых, ни бедных и где все люди будут равны перед Законом, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

В ноябре 1917 года “Билолу” Ханукаев был введен в состав президиума Дербентского Совета рабочих и солдатских депутатов от фракции боль-

шевиков. Об этом упоминается в “Истории Дагестана” (М., т. III, с. 38). К сожалению, дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Другой представитель рода Ханукаевых, старший сын упомянутого нами Гъуччи Гаврила — С. Ханукаев в отличие от своего близкого родственника большевика “Билолу” Ханукаева, служил в деникинской разведке. После окончательной победы Советской власти в Дербенте, он по приговору ЧК за активную помощь деникинцам в борьбе против большевиков весной 1920 года был казнен. А его брат — младший сын Гаврила Ханукаева Теодор погиб на фронте, защищая Советскую Родину от фашистских захватчиков.

Сам Гъуччи Гаврил в молодые годы убил, искалечил нескольких своих обидчиков и кровников. Я знал его, когда он уже был стариком. Это был сухопарый, ширококостный, жилистый мужчина с прямой осанкой, короткой седой бородкой, характер имел взрывной. Говорил громко, почти запальчиво, энергично жестикулируя руками. Он пережил всех своих сыновей (их было кажется пятеро). Последние годы своей жизни жил в бедности, но держался гордо, самоуверенно. Но этот человек, в порыве гнева не ведавший ни страха, ни колебания и готовый скреститься кинжалом с самим чертом, имел одну странную слабость. Нередко на похоронах своих и чужих покойников, он с носовым платком в руке, стоя возле плакальщицы, плакал громко, навзрыд, что считается у нас неприличным для мужчины.

Широкой известностью в народе пользовались трое из многих зятьев Ханукаевых, которые

оставили заметный след в его истории и памяти: Асаф Итом Пинхасов, Асаил Бинаев и Ехиил Мататов. По разному сложилась их судьба, в которой отразилось обострение социально-классовых противоречий в тогдашнем российском обществе, противоборство различных идеологических мировоззрений.

Асаф Итом (1881-1920) в годы гражданской войны возглавлял в Дербенте Национальный комитет. Он был женат на внучке одного из вышеупомянутых братьев Ханукаевых — Сусанне. Она окончила дербентскую женскую гимназию и занималась педагогической деятельностью. Ее муж Асаф Итом получил духовное образование в родном городе, затем учился в духовной семинарии в России. В 1909 году Эсеф Итом издал в Вильно “Еврейский молитвослов”. (“Гъуъл тефило”) с указанием на обложке: “с татским переводом”. Члены возглавляемого им комитета состояли из средних садовладельцев и домовладельцев. Почти все они отрицательно относились к деспотическому самодержавному режиму, если не сказать враждебно, и с воодушевлением восприняли установление Временного правительства, пришедшего на смену царской власти.

Справедливости ради надо сказать, что большинство из них, в том числе руководитель комитета, пошло на сотрудничество с Бичераховым, особенно с деникинцами (последние больше других оккупантов задержались в Дербенте), которых они в душе боялись и ненавидели, не только в целях сохранения своей собственности, предотвращения возврата Советской власти.

*Участники горско-еврейского учительского съезда.
В центре впереди Ш.О. Ханукаева — Сусанна Ильегуевна*

Боялись они и за жизнь и безопасность своего маленького, ставшего по существу в сложившейся обстановке анархии, безвластия, беззащитного народа. Всему населению этого многонационального города было тяжело и тревожно в условиях оккупации его бесчинствующими казаками Бичерахова, войсками Деникина, иностранными интервентами, сменявшими друг друга, а их соплеменникам в особенности. Они понимали, что по отношению к татарам-иудеистам (горским евреям) оккупанты, в частности разнузданные казаки Бичерахова, белогвардейские отряды царского генерала-монархиста Деникина не ограничатся одними лишь грабежами и поборами. Они могут устроить кровавые погромы.

В это трудное, смутное время жители целого ряда татарских селений, расположенных от двадцати до пятидесяти километров от Дербента, жившие некомпактно, из-за участвовавших нападений неконтролируемых вооруженных бандитских отрядов были вынуждены бежать со своими семьями в Дербент, где жило много их соплеменников. Убегая они оставляли все: свои дома, поля, пашни, домашний скarb. Бежали в том, в чем были. Обычно эти бандитские нападения совершались в ночи, чтобы застигнуть людей врасплох. Бедственное положение беженцев не поддавалось описанию. Они "таборами" располагались прямо на улице под открытым небом или ютились в старых зловонных развалинах домов без крыш, окон и дверей. Истерзанные голодом, ослабленные дети умирали на глазах у родителей, родители на глазах своих детей.

Беженцы умирали не только от голода, истощения. Среди них свирепствовали повальные болезни. В это горестное время у автора данного очерка от тифа умерла мать, которой едва минуло двадцать семь лет, а сам он был еще ребенком. Как все ее односельчане — нюгдинцы, она (вместе с мужем и тремя детьми) тоже оказалась в числе этих несчастных беженцев. Подавляющее большинство жителей Дербента, которые сами испытывали крайнюю нужду, мало чем могли помочь им.

На первое время значительную благотворительную помощь оказывали беженцам семьи Ханукаевых, Дадашевых, Хануховых, Сефтера Ахундова — большого друга Ханукаевых и Дадашевых.

Вполне возможно, что члены Национального комитета, решившиеся сотрудничать с оккупантами, не предполагали, что им придется платить за это слишком дорогую цену. Оккупационные власти в Дербенте, особенно при Деникине, требовали от него собирать с населения деньги и продовольствие, а с зажиточных, богатых садовладельцев и домовладельцев кроме денег, продовольствия, теплой одежды поставлять в нужном количестве вино для деникинских вояк. Больше того, членов Национального комитета заставляли (чего они совсем не хотели бы делать) помогать властям мобилизовывать в деникинскую армию тех из своих земляков, которые прошли срочную службу в царской армии или участвовали в первой мировой войне. А таких было не мало.

Но многие подлежащие мобилизации в армию оккупантов, получив повестки, бежали из города,

скрывались у своих кунаков — азербайджанцев, лезгин, табасаранцев и других, а еще больше тайком уходили в партизанские отряды.

Таким образом вольные или невольные действия членов комитета возбуждали недовольство не только среди бедняцкого населения, но и среди части зажиточных людей.

А когда в марте 1920 года в Дербенте окончательно победила Советская власть, председатель Национального комитета Асаф Итом за сотрудничество с деникинцами по решению ЧК был расстрелян. На суде против него выступали и богатые садовладельцы из числа его земляков. А сами члены комитета не были подвергнуты суду и наказанию.

О том, когда и как был приведен в исполнение приговор над Асафом Итомом существует несколько версий. На мой взгляд наиболее достоверной является следующая.

В ту ночь накануне казни, он находился в отдельной камере. Его разбудили перед наступлением рассвета. Трое красноармейцев, служивших при ЧК, повели Асафа по пустынным безлюдным в этот ранний час улицам города в направлении кладбища, которое находилось на расстоянии двух километров от него под горой. Но не пройдя и половины дороги, сопровождавшие Асафа красноармейцы велели ему остановиться у сухой канавы, пролежавшей вдоль садовых оград и лечь спиной на ее дно. Пока они дошли до этого места совсем уже рассвело. Приговоренный с волнением огляделся вокруг, окинув долгим прощальным взглядом окружающие горы, сады, за которыми

внизу простиралась еще сонное море, тяжело вздохнув, молча лег спиной в канаву, вытянувшись во весь рост. Он тут же торопливо достал из кармана большой белый платок, развернул его и положил на грудь. Обращаясь к красноармейцам, он попросил их выполнить его последнее желание: окровавленный платок передать его матери. Затем он устало махнув рукой, что, видимо означало: "Приступайте", — закрыл глаза. В ту же минуту в утренней тишине прогремело одновременно несколько выстрелов и опять все затихло вокруг.

Видно последняя воля казненного была все же выполнена. До войны я не раз слышал от пожилых женщин в Дербенте, как мать Асафа на похоронах оплакивая чужих покойников, вспоминая и своего сына, показывала присутствующим женщинам его окровавленный платок, который она до самой смерти носила на груди. Не знаю, насколько это верно, говорят, что было указание сверху отменить Асафу Итому смертный приговор. Но его уже не было в живых.

Другой, очень любимый вначале, зять Ханукаевых Асаил Бинаев был женат на младшей дочери Шомоила Овишолума Ханукаева. В предреволюционные годы он служил кантором в "Келе нума-зе", принадлежавшем Ханукаевым. Асаил Бинаев был видным из себя мужчиной: высокий, стройный, со строгими и привлекательными чертами смуглого лица. Обладал прекрасным голосом оперного певца и хорошей дикцией. В его произношении даже обычные простые слова как бы приобретали особое звучание и значимость.

Сыновья Шомоила Овшолума Ханукаева (его самого тогда уже не было в живых) выдавая за Асаила Бинаева свою белолицую красавицу сестру, возлагали на него большие надежды. Они хотели, пользуясь своим влиянием, сделать своего молодого зятя главой дербентской иудейской духовной общины вместо тогдашнего раби Ильягу из рода Дадашевых, а затем — и главой иудейской общины всего Дагестана, каким в свое время был знаменитый раби ЕгІэнгил (Яков), друг их семьи. Но зять не оправдал надежды родственников своей жены. Под влиянием сосланных в Дербент революционеров Якова Маркуса и его сестры Софьи (будущей жены С.М. Кирова), Асаил Бинаев проникся марксистскими идеями, публично отрекся от своего духовного сана и стал открыто защищать большевиков.

Несмотря на уговоры и даже прямые угрозы братьев жены (я уже говорил о том, что их было десять, как говорится, молодец к молодцу) и мольбы родного отца вернуться к духовной деятельности, тот оставался непоколебимым в своей новой вере.

Во время деникинской оккупации Дербента, ему угрожала смертная казнь. И он вынужден был бежать из города вместе со своей женой и малолетним сыном. Вернулся он туда вместе с частями XI Красной Армии в марте 1920 года. Был редактором первой республиканской газеты на татском языке, председателем Дербентского городского совета, работал в аппарате Дербентского райкома партии.

В годы ежовщины Асаил Бинаев был арестован, но благодаря усилиям своего сына, командира-пограничника Советской Армии, вскоре освобожден. А сам он, отважный красавец Беново (Борис), который служил на советско-германской границе, в первый же день Отечественной войны погиб вместе со своими красноармейцами-пограничниками, принявшими на себя первый яростный удар фашистских захватчиков.

Партийный, советский работник Асаил Бинаев, обремененный большой семьей, всегда жил бедно, очень скромно, а в старости будучи на пенсии, вовсе нуждался. Несмотря на это он до конца своей жизни оставался непоколебимо преданным своим коммунистическим идеалам. А его жена, родившаяся

Ершо Асailовна Бинаева (по мужу Авшалумова) с дочерью Людмилой. Внучка Ш.О. Ханукаева от младшей дочери Еудит. 1947 год

мунистическим идеалам. А его жена, родившаяся

в знатной семье, в окружении десятерых братьев, никогда не жаловалась на свою судьбу. И я ни разу не видел, чтобы моя бедная теща упрекала, бранила своего мужа за то, что прожила с ним нелегкую жизнь. Ханукаевские женщины, как я убедился, были не только преданными женами, но и влюбленными в своих мужей.

Надо сказать, что Асаил Бинаев остался в памяти современников как один из честнейших, неподкупных и справедливых партийных и советских работников. Таким его и изображает в своем романе "У стен Нарын-Калы" (Махачкала, 1980 г.) известный татский поэт и прозаик Миши Бахшиев.

Я не могу не рассказать еще об одном зяте Ханукаевых хотя бы потому, что с его именем связано определение статуса нашей народности, как одного из коренных, конституционных народов многонационального Дагестана и вытекающих из этого статуса его прав в национальной республике в составе СССР — о Ехииле Мататове.

И не одно это. С его именем, активной общественно-политической и культурно-просветительской деятельностью связано очень многое в жизни нашей малочисленной народности, что нельзя, невозможно отрицать, игнорировать. Это очень важная часть новой послереволюционной истории нашего народа советского периода, которую наши люди должны знать, независимо от их отношения к ней, их политических убеждений, симпатий.

Ехиил Мататов родился в Дербенте в 1888 году. В юности был рабочим. Прошел срочную

службу в царской армии. Воевал в первой мировой войне. В октябре 1917 года состоял в рядах красной гвардии в Петрограде. В августе 1918 года во время наступления бичераховских войск на Дербент он был заместителем командира красногвардейского отряда революционера Дмитрия Пугина, возглавлявшего оборону южной части города, где в основном жили наши соплеменники и русские (обороной верхней части Дербента, преобладающее население которой составляли азербайджанцы, руководил известный дагестанский революционер Керим Мамедбеков). Сражался на различных фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии в России.

Этот худощавый, подтянутый, подвижный человек обладал кипучей энергией, несгибаемой волей и большими природными способностями. В Дагестане он занимал ряд высоких, ответственных постов, был секретарем Кюринского, а затем Хасавюртовского окружкомов партии,

Ехиил Мататов, видный деятель
Республики Дагестан

прокурором республики, наркомом юстиции, секретарем Верховного Совета ДАССР.

Ехиил Рувинович являлся инициатором создания первой татской республиканской газеты "Захметкеш", татских школ, издания учебников, художественной и политической литературы на родном языке, государственного татского театра. Он был составителем татского алфавита на основе русского.* Благодаря всему этому у нас впервые появились свои поэты, писатели, пишущие на родном языке: Юно Семенов, Миши Бахшиев, Дубия Бахшиев, Манувах Дадашев, Борис Гаврилов, Донил Атнилов, Яков Ильягуев, Александр Семендуев. На смену им пришло другое, более молодое поколение татских поэтов и писателей: Шимшун Сафанов, Сергей Изгияев, Михаил Дадашев, Феликс Бахшиев, Зоя Семендуева, Бинеми Сафанов, Михаил Гаврилов, Лазарь Амиров, Нисон Гилядов, Борис Ханукаев, Амалдан Кукулиев, Иосиф Бахшиев, Яшар Мошияхов и другие**.

Е. Мататов сам писал стихи для детей. Выступал с критическими статьями на страницах газет "Захметкеш" и "Дагестанской правды" по произведениям татских писателей и поэтов.

По инициативе Ехиила Мататова еще в двадцатых годах татский язык был признан одним из государственных языков Дагестанской республики.

* Первый новый татский алфавит, заменивший древнееврейский, был составлен на основе латынского, известным ветераном татской культуры Яковым Михайловичем Агаруновым.

** К числу первого поколения поэтов, пишущих на татском языке, но проживающих в Азербайджане, принадлежали Яков Агарунов, Исхак Ханухов, Рахамим Рувинов, Илья Хананаев.

Еще во второй половине двадцатых и в начале тридцатых годов Ехшил Мататов вместе с другими представителями татской интеллигенции старшего поколения: профессором Нофтоли Анисимовым, бывшим наркомом просвещения Дагестана Разилом Разиловым, основоположником татской драматургии Юно Семеновым, редактором газеты "Захметкеш" Асаилом Бинаевым, ветераном татской культуры и известным партийным работником в Азербайджане Яковым Агаруновым, ответственным работником ЦИК СССР, кавалером Ордена Боевого Красного Знамени Исаем Беньяминовым и другими — обратились с просьбой к руководству республики, чтобы в актах гражданского состояния и в Конституции республики национальность нашей народности, как одной из коренных конституционных народов Дагестана, была записана не "горские евреи", а — "таты". Прежнее наименование ее, они считали, не соответствует языковому, этнографическому и этническому признакам этой народности, утверждая, что их соплеменники, живущие в Дагестане, на Кавказе, исповедующие иудаизм и говорящие на татском языке являются татами-иудеями. Они не только дали такое предложение, но подкрепили его своими доводами и аргументами.

Наиболее широко эти аргументы представлены в обширном предисловии к книге "Грамматик зугьун тати" ("Грамматика татского языка"), написанной Н.А. Анисимовым и изданной в Москве в 1932 году (стр. 3-26). На тех же позициях стоял Яков Агарунов (См. его "Историческую

справку” в книге “Большая судьба маленького народа”. — М., 1995, с. 11-25), изданной после его смерти его сыном. Согласно свидетельству Я.М. Агарунова, этот вопрос рассматривался еще на “Первом Всесоюзном съезде по вопросам культурного строительства татов”, состоявшемся в Москве в 1927 г., при участии Н.К. Крупской.

Предложение татской интеллигенции было поддержано Дагестанским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы и одобрено тогдашним руководством Дагестана. Таким образом еще за несколько лет до войны наименование “таты” было официально закреплено за нашей народностью в Конституции ДАССР.

К слову сказать, когда представители нашей интеллигенции старшего поколения обсуждали эти вопросы, давали им исторические и научные толкования, устно и печатно, первые наши поэты и писатели (кроме Юно Семенова, Якова Агарунова и Бориса Гаврилова) были совсем юными, почти детьми, в том числе автор данного очерка, который в то время работал подпаском в родном селении. Разумеется, они не могли принимать участия в этих обсуждениях и других мероприятиях, проводимых в интересах своего малочисленного народа, юридического закрепления за ним статуса одного из коренных конституционных народов республики, создания сети школ на родном языке, культурных и просветительских учреждений, подготовки кадров со специальным средним и высшим образованием от нашей народности.

Автор книги *“Грамматика татского языка”* и обширного предисловия к ней Н.А. Анисимов был первым нашим ученым-филологом. В 1913 году он окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, работал в Институте языка и письменности народов СССР при АН СССР. По свидетельству Якова Агарунова хорошо знавшего Н. Анисимова, он был разносторонне образованным человеком. Н. Анисимов кроме родного и русского языков, владел иранским, тюркским, арабским и древнееврейским языками. Он прожил сравнительно долгую жизнь, но жизнь его друга и единомышленника Ехила Мататова оборвалась трагически. В 1938 г. Е. Мататов по ложному обвинению был репрессирован и умер в 1943 году в лагере, перед своим освобождением.

Ехил Мататов, опираясь на помощь и поддержку дагестанского Правительства, сыграл большую роль, как свидетельствует бывший нарком земледелия республики, его друг Хандадаш Тагиев в своей статье *“Он был из Дербента”* (*“Дагестанская правда”*, 19 октября 1966 г.) в ликвидации зловонного, так называемого *“Глиняного квартала”* в Дербенте, очага опасных заразных болезней, где казалось удобно и напроць поселилась сама смерть, и переселении его обитателей в новые дома, построенные с этой целью. Е.Р. Мататов пользовался огромным авторитетом среди простого народа. По инициативе дербентских колхозников одному из созданных в 1929 г. колхозов было присвоено его имя. И сейчас в родном городе Е. Мататова одна из улиц носит его имя. В центральной части города открыта ал-

лея, состоящая из двадцати пяти стелл с барельефами известных дагестанских революционеров, среди которых стоит стелла и с барельефом нашего земляка. Перед входом в аллею горит вечный огонь.

Почти за все время существования Советской власти, особенно в двадцатых и тридцатых годах, наши юноши и девушки как представители одного из коренных конституционных народов национальной республики на льготных условиях направлялись в средние специальные и высшие учебные заведения страны, где для представителей коренных народов национальных республик были установлены квоты, преимущества. Они возвращались на родину в Дагестан инженерами, врачами, юристами, учителями, агрономами, композиторами и т.д.

Многие представители нашей народности занимали в республике руководящие должности: были председателями колхозов, директорами совхозов, промышленных предприятий, начальниками различных госучреждений, секретарями райкомов и горкомов партии, председателями районного и городского советов, судьями, прокурорами. От татаро-иудеев назначались наркомы и министры, выбирались депутаты Верховного Совета республики. Наркомами, министрами были Ехиил Мататов, Разиил Разилов, Ханун Абрамов, Ехиил Авишалумов, Яков Измаилов, Исай Нахшунов и др. Долгое время работал начальником. Управления печати при СМ ДАССР Анатолий Данилов. Большие должности занимали Яков Кукулиев, Соломон Дагаев, Данил Ашуров, Захар (Зерэхые) Абрамов.

Из ныне здравствующих, в течении многих лет занимал руководящие должности в Дербентском районе ученый-агроном, ветеран Отечественной войны Александр Абрамов. Заслуженным уважением пользуется в республике талантливый инженер, Почетный железнодорожник СССР, удостоенный правительственных наград Исай Кукулиев и др.

Среди деятелей науки, литературы и искусства немало представителей нашей народности: профессора Э.С. Масандилов, Ю.А. Бабаев, Ш.А. Абрамов, Д.Ю. Бахшиев, Ю.С. Абрамов, М.М. Ихиллов, М.Д. Адиньяев, Э.Д. Адиньяев, И.Х. Урилов. Последний — выпускник ДГУ, доктор исторических наук, автор неординарных научных исследований о судьбах российской социал-демократии и десятков др. А имя прославленного нашего земляка хирурга-новатора Г.А. Илизарова известно всему миру.

В этом году заслуженному ансамблю танца Дагестана "Лезгинке" исполняется 40 лет. Выступления артистов этого ансамбля вызывает восхищение у зрителей во всех странах мира. Его основателем и художественным руководителем был блистательный балетмейстер и хореограф, народный артист СССР Танхо Израилов. После его смерти многие годы успешно возглавлял коллектив этого ансамбля народный артист Российской Федерации Иосиф Матаев.

* * *

Представители рода Ханукаевых, которые жили в первые послереволюционные годы, во время НЭПА, не были уже богатыми, как их отцы и

деды. Взять хотя бы детей того же Шомоила Овшолума Ханукаева, у которого было 10 сыновей и две дочери. При разделе имущества на десять частей, каждому из сыновей досталось не так уж много. Их можно было бы считать скорее зажиточными, нежели богатыми.

В годы НЭПА виноградные сады, рыбные промысла, небольшие предприятия продолжали оставаться в руках собственников. Правда финотдел — эта гроза нэпменовской буржуазии — облагал их всевозрастающими налогами. Но ни один из Ханукаевых во время проведения в стране и республике политики коллективизации, ликвидации частной собственности не был ни раскулачен, ни сослан как кулак. Они еще до коллективизации сдали добровольно государству свои сады, виноградники и рыбные промыслы.

Многие из тухума Ханукаевых переехали в те годы на жительство в Ленинград. Здесь молодые Ханукаевы сразу после окончания средней школы поступали рабочими на заводы и фабрики. Так, например, начали свою трудовую деятельность братья: Самуил, Семен, Александр, Ислам, Юнон Ханукаевы. Когда они поступали в ВУЗы, каждый из них имел рабочую профессию. И все они стали инженерами.

Самуил до ухода на пенсию работал главным механиком крупной текстильной фабрики в Ленинграде. Александр после войны стал профессором, доктором технических наук. 28 лет заведовал кафедрой механической обработки металлов на ленинградском заводе ВТУЗе профессор Ислам Ханукаев.

*Нисон Шомуил
Ханукаев*

*Александр Нисонович
Ханукаев*

*Менешир Хануко
Ханукаев с женой*

*Михал Хануко
Ханукаева с мужем*

*Бинъеву-Бифор Азаръе
Юсуф Ханукаев*

*Шельми Шомол
Ханукаев*

Все Ханукаевы, жившие в Ленинграде, вместе с его населением пережили жестокую ленинградскую блокаду в годы Великой Отечественной войны, длившуюся 900 мучительных вместе с тем героических дней и ночей; пережили голод, холод, варварские обстрелы фашистской артиллерии, бомбардировки с воздуха. И все Ханукаевы, способные носить оружие, отстаивали город в рядах его доблестных защитников.

Об удивительном подвиге Александра Ханукаева и его личном вкладе в оборону Ленинграда напечатано немало статей и очерков в московских и ленинградских газетах и журналах.

Капитан Александр Ханукаев, инженер по горным взрывам, во время ленинградской блокады возглавлял батальон взрывников, которые обезвреживали невзорвавшиеся снаряды и бомбы, сбрасываемые фашистами на Ленинград.

Когда гитлеровцам не удалось сломить волю защитников Ленинграда и штурмом взять его, тогда они стали сбрасывать на город кроме обычных бомб, мощные бомбы замедленного действия. Никто не знал тогда секрет обезвреживания этих стальных чудовищ. Поэтому прикасаться к ним было очень опасно. Неоднократные попытки обезвреживать такие бомбы, неизменно кончались гибелью взрывников и разрушением окружающих домов. Поэтому, из района куда падала такая бомба, срочно эвакуировали жителей и туда никого не пускали, пока грозно молчаливая бомба не заговорит сама, не взорвется. В Англии во время войны, бригады, которые были выделены для обезвреживания подобных бомб, сбрасывае-

мых на Лондон и другие крупные города, называли “бригадами смертников”.

Но Александр Ханукаев, подвергая себя смертельной опасности, рискуя каждую секунду быть разнесенным в клочья, один, без посторонней помощи, сумел разгадать секрет скрытого в ней второго часового механизма и найти способ его обезвреживания. А данные, добытые А. Ханукаевым, были переданы через Министерство обороны Советского Союза нашей союзнице в войне против гитлеровской Германии — Англии.

Профессор Александр Ханукаев — автор многих научных трудов. Сотни специалистов, подготовленных им, работают сегодня в различных регионах страны, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Этот красивый человек с седой головой и юношеской осанкой, отличается большой любовью к людям, дагестанским гостеприимством, всегда рад встрече с дорогими земляками.

Большой вклад внес в развитие и пропаганду многонационального музыкального искусства Дагестана, воспитании многих музыкальных кадров один из первых дагестанских композиторов Хизгил Ханукаев. Талантливым художником, скульптором зарекомендовал себя Наум Ханукаев. Его картины в основном посвящены Дербенту, его людям, уникальным памятникам седой старины, которыми богат этот древний город.

В Дербенте на Джалганской горе, в сравнительной близости от того места, где некогда находилось родное селение Ханукаевых Аба-Сово, зеленеет сосновый лес, ставший одной из достопримечательностей города. Значительные средства пожертвовал для его посадки Семен Ханукаев.

В середине двадцатых и тридцатых годов огромным уважением и большой популярностью пользовался замечательный врач, добрый и отзывчивый человек Пинхас Ханукаев. В любое время дня и ночи он спешил на помощь больному. Был бескорыстен и добр. Когда он умер, в последний путь его провожала огромная многотысячная толпа дербентцев из представителей всех национальностей, живущих в этом городе.

*Песах Ханукаев. Участник ВОВ
и инвалид войны II группы.
Израиль. 1995 год*

Отважным, храбрым, находчивым показал себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками командир стрелковой роты гвардии лейтенант Песах Ханукаев, награжденный боевыми орденами и медалями. За многолетний труд по воспитанию подрастающего поколения, наставничество, активное участие в общественно-педагогической

жизни, почетное звание Заслуженного учителя РД и РФ присвоено Пинхасу Ильичу Ильягуеву — тоже представителю этого тухума.

Можно было бы привести еще немало примеров добрых дел и других членов рода Ханукаевых. Но и сказанное, на наш взгляд, дает достаточное представление о необычайной истории этого рода, активной хозяйственной, общественной и гражданской деятельности многих его представителей, вызывающие к нему наше заслуженное внимание и уважение.

Обряд посвящения в совершеннолетие одного из представителей младшего поколения Ханукаевых

* * *

На этом, пожалуй, можно было бы завершить наш очерк. Но я еще в начале упомянул о семейном предании Ханукаевых, в котором говорится, что их далекие предки примерно немногим более тысячи лет назад пришли в Дагестан с хазарами. Я лично не могу полностью довериться этому преданию, но вместе с тем безоглядно отвергать его тоже нельзя.

В исторической литературе немало фактов, свидетельствующих о том, что в период хазарского царства многие иудеи, жившие в Византии из-за дискриминации, а временами жестоких преследований, которым они подвергались там, бежали в Хазарию, где существовала большая веротерпимость. Об этом говорится и в работе русского советского историка И. Артомонова "История хазар" (Л., 1962).

Надо сказать, что Византия вообще не отличалась веротерпимостью. Она враждебно относилась не только к иудаизму, но и к религии иранцев, арабов, а также к различным христианским сектам. Но особенную неприязнь она проявляла к иудаизму, а через него — к его носителям.

Еврейские общины существовали не только в провинциях империи: Египте, Палестине, Сирии, но и в самой метрополии. Из всех еврейских общин на ее территории наиболее зажиточные были в Константинополе и Салониках. Евреи этих общин занимались торгово-ремесленной деятельностью и жили здесь еще со времен разгрома Римом Иудеи, а может еще раньше. В Греции они переняли греческую культуру и греческий язык.

Еще при императоре Юстиниане I (527-565) евреи были ограничены в гражданских и политических правах. Они не имели права работать в государственных учреждениях, служить в армии, владеть землей, вступать в брак с христианами. Им было запрещено вести богослужение на древнееврейском языке, а только на греческом или латинском, в крайнем случае на любом другом язы-

ке, кроме еврейского. А чтение Талмуда в синагоге вообще было запрещено.

Под угрозой конфискации имущества, а позже и смертной казни запрещалось христианину переходить в иудаизм (а таких случаев — переход греков, римлян в иудаизм в прошлом было немало). Но всячески поощрялся и даже награждался переход от иудаизма в христианство.

Вдобавок к вышеупомянутым ограничениям в 632 году император Ираклий I (610-641) издал указ о насильственном и поголовном крещении всех евреев. Подобные указы принимались и после него. Многие евреи, не желая креститься и подвергаться пыткам в случае сопротивления, бежали из Византии в пределы Хазарского царства, где существовала широкая религиозная терпимость, селились в Крыму, Херсонесе, на Таманском полуострове и т.д. А во времена владычества хазар действительно были случаи, когда отдельные группы иудеев, бежавшие из Византии в Хазарию, прибывали в Дагестан и смешивались с татами-иудеями (горскими евреями).

Одной из главных причин (если не самая главная) преследования иудеев в Византии, побудившей их бежать из этой страны в Хазарию, была распространенная в христианском мире легенда о том, что евреи убили Иисуса Христа.

Я не хотел затрагивать этот вопрос, поскольку он не имеет прямого отношения к теме нашего очерка. Но учитывая то, что, к великому сожалению, и в наше время, спустя две тысячи лет после смерти Христа и его чудесного воскресения, находятся люди которые используют эту

затасканную легенду устно и печатно с целью возбуждения недоверия и разжигания ненависти к евреям, иудаизму, я не могу умолчать об этом, не высказать своего суждения, хотя бы с позиции обыкновенного, нормального человека. Тем более, когда они "ничтоже сумнящиеся" утверждают, что вина за распятие Христа лежит на всех евреях, иудеях без исключения на вечные времена и во всех поколениях.

Как известно, в течение столетий, несмотря на всю несостоятельность, абсурдность этой легенды, она использовалась реакционными правителями, фанатиками-мракобесами, разного рода политическими авантюристами, провокаторами, антисемитами для жестокого гонения на евреев, организации кровавых погромов, учинения грабежей и убийств тысяч невинных людей, в том числе стариков, женщин и детей, особенно во времена острых социальных кризисов.

Как и другие наветы, этот навет на евреев никак не согласуется не только со здравым смыслом, но и с учением самого Евангелия, христианства в целом. Ведь согласно Евангелию, Бог-Отец ниспослал на землю, в частности в Иудею, которая тогда была одной из провинций Римской империи, Иисуса чтобы он своей смертью на кресте искупил грехи всего человечества. Такова была Его воля, которая должна была обязательно исполниться. Знал об этом и сам Иисус. (См. Евангелия от Луки. 22:42, Евангелия от Иоанна, 10:17-18). И воля Его, как мы знаем из Евангелия, исполнилась.

Из того же Евангелия мы знаем, что Иисус Христос был казнен на Голгофе в окрестностях

Иерусалима. Его выдала римскому наместнику в Иудее Понтию Пилату кучка жрецов Иерусалимского храма потому, что он называл себя Богом, Мессией, царем Иудеи. А они воспринимали Иисуса (Ешугло) как своего еврея, соплеменника, сына еврейских родителей — Марии и Иосифа, простого плотника. Иисус, как известно был распят на кресте римлянами.

Следует напомнить, что в то время больше половины евреев жили за пределами своей родины — Иудеи, в разных провинциях римской империи: Египте, Сирии, Греции, в самом Риме, а значительная часть — в Персидском царстве. Они не только не имели никакого отношения к выдаче Христа римлянам, но и знать об этом не знали. Да и в самой Иудее основная часть еврейского населения жила не в Иерусалиме, где происходили арест и казнь Иисуса, а в ее многочисленных поселениях и небольших городах. И они тоже ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Христа не имели.

Если даже допустить, что группа жрецов Иерусалимского храма и поддержавших их фанатиков в Иерусалиме виновата в том, что выдали Иисуса, как своего соплеменника, виновного в их глазах, то причем тут весь еврейский народ, который ни сном ни духом не виноват в его казни? Зачем он должен подвергаться травле, наказанию за это во все времена и всех поколений? Состоит ли это хотя бы элементарным человеческим, юридическим, нравственным нормам, законам, простому здравому смыслу? Почему у антисемитов из-за вины одного или группы

евреев принято обвинять всех евреев; всех, кто является последователями иудейской религии, которая, кстати сказать, оказала огромное влияние на формирование самого христианства? Не той ли же дремучей логикой руководствовался царский сатрап генерал В. Зубов, приказавший уничтожить мирное население Аба-Сово лишь потому, что там жили последователи иудейской религии, единоверцы того польского еврейбойца повстанческой армии, по чьей "вине" он стал калекой?

Следует ли забывать о том, что не только Иисус, но и все его ученики — христианские апостолы, в том числе наиболее почитаемые первоапостольные святые Петр и Павел — были евреями. Да и сами еврейские пророки одновременно являются христианскими. А Ветхий Завет, составляющий три четверти всей Библии, является священной книгой не только иудеев, но и христиан. Поэтому не является ли кощунством по отношению к самому Христу, проповедовавшему любовь, милосердие, мир между людьми и народами, чтобы его именем шельмовали его народ, призывали к ненависти к нему? Почему антисемиты сознательно замалчивают или просто перечеркивают заслуги представителей еврейского народа в развитие мировой науки, техники, прогресса человечества, в том числе в развитие науки, техники, культуры нашей страны, в укреплении ее оборонного могущества? Как можно забывать память двухсот тысяч солдат, сержантов и офицеров еврейской национальности, которые вместе с русскими и пред-

ставителями других народов отдали свои жизни за нашу общую Родину, за Россию в смертельной схватке с фашистскими захватчиками? Забывать подвиги двух еврейских юношей Иосифа Бумагина и Абрама Левина, повторивших бесмертный подвиг русского солдата Александра Матросова? Делать вид, что в числе Героев Советского Союза, удостоенных этого высокого звания за свои беспримерные воинские подвиги на полях сражений в Отечественной войне не было 137 Героев Советского Союза еврейской национальности. Не было таких известных военачальников как Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Давид Драгунский, генерал армии Герой Советского Союза Яков Крейзер, который с первого и до последнего дня войны находился на фронте. Командовал 51 армией. Звание Героя Советского Союза получил 2 июля 1941 года. Награжден 5 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова I-й и II-й степеней, Кутузова I-й степени, Богдана Хмельницкого I-й степени и многими медалями (БСЭ, 3 изд., 1973, с. 370). Не было еврея Александра Горовеца, который в одном бою сбил девять немецких “юнкерсов” на самолете, созданном другим евреем А. Лавочкиным. Не было легендарного генерала Льва Доватора, который водил свои казачьи кавалерийские дивизии в рейды по тылам гитлеровцев, громил их...

Сам по себе ни один народ не является плохим. Есть хорошие и плохие люди в каждом народе, будь то евреи или французы, русские или немцы, арабы или турки; иудеи, христиане, му-

сульмане. А Бог у всех один. Во всяком случае в каждом народе хороших, порядочных людей больше, чем плохих. Дико, аморально, преступно ненавидеть человека из-за его национальной или религиозной принадлежности. О каждом человеке надо судить по его поступкам, делам, а не по тому, какой он национальности или веры. За поступок, вину, преступление отдельных лиц, группы людей или даже целого класса, не должен отвечать весь народ, будь то еврейский, русский, татарский народы или т.н. "лица кавказской национальности". Такой подход сам по себе является не только вопиющей несправедливостью, но весьма опасным, губительным для самого существования любого многонационального государства.

У каждого виновника, преступника есть свое имя. Пусть он и отвечает за свои деяния по всей строгости закона, а не народ, к которому он принадлежит. Тем более, преступник как правило действует в своих личных, эгоистических, преступных интересах, целях. При этом он меньше всего думает о чести, достоинстве, благе "своего" народа, ему — они совершенно безразличны. Поэтому антисемитизму, русофобии, шовинизму, агрессивному национализму не должно быть места в демократическом обществе, где защита прав и свобод человека, гражданина, независимо от его национальной и религиозной принадлежности, должна быть первейшей обязанностью государства.

* * *

Завершая краткий очерк истории рода Ханукаевых, я хочу отметить что откуда бы ни пришли их далекие предки в Дагестан, с севера с хазарами или с юга, он — этот род — составляет живую, яркую частицу нашего самобытного народа, его гордость, часть его многовековой истории.

Дом Хануко Овиолума Ханукаева

**ХИЗГИЛ ДАВИДОВИЧ
АВШАЛУМОВ**

**ОЧЕРК ИСТОРИИ
РОДА ХАНУКАЕВЫХ**

*Очерк истории рода Ханукаевых. — Махачкала:
Издательство: "Юпитер", 1999. — 80 с.*

Правюры на форзацах Наума Ханукаева

ISBN 5—7895—0022—6

© Авшалумов Х., 1999 г.

© Издательство "Юпитер", 1999 г.

<i>Редактор</i>	<i>Н. Гилядов</i>
<i>Корректор</i>	<i>С. Манилова</i>

ЛР 064859 от 27.11.1996 г.

Сдано в набор 9.09.99. Подписано в печать 1.11.99.

Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Гарнитура "ClassicRuss".

Усл.п.л. 4,53. Уч.-изд.л. 4,5. Тираж 500. Заказ 125.

Цена договорная.

